

Цзи Лин подтолкнул к нему кувшин вина:

— Не будем его мучить — выпей это вино до дна, и можешь уходить.

Лу Цяньтан замер. Хотя он только впервые на службе, он знал, что пить на дежурстве — серьезное нарушение.

Цянь Ли, видя, что он не двигается, сказал:

— Что? Тебе даже выпить трудно?

Лу Цяньтан быстро взвесил все в уме и, не говоря ни слова, взял кувшин и выпил его залпом. Вино пролилось на его шею, пропитав воротник формы.

Цянь Ли хлопнул в ладоши:

— Ну, цзунци, ты оказался решительным. Одного кувшина хватит, чтобы тебя выпороли в лагере. Ты что, не знаешь правил?

Лу Цяньтан, ошеломленный алкоголем, сложил руки:

— Я знаю, лишь бы вы успокоились.

Сяо Цинму больше не говорил, с интересом наблюдая за ним, слегка постукивая по фарфоровой чашке.

Цзи Лин махнул рукой:

— Убирайся, и впредь не лезь не в свое дело.

Лу Цяньтан ответил:

— Слушаюсь.

Он развернулся и, пошатываясь, вышел из павильона Циюань.

Патруль уже сменился, только его сосед по комнате Чжао Цзин ждал его внизу. Лу Цяньтан даже не заметил его, свернул за угол и вырвал все, что выпил.

Чжао Цзин не брезговал, похлопывал его по спине, бормоча:

— Что они тебе дали? Человечину? Или какое-то зелье? Нужно позвать девушку?

Лу Цяньтан был в полной прострации, и его слова только усиливали головокружение. Он махнул рукой и через некоторое время сказал:

— Что ты, меня заставили выпить кувшин вина.

Чжао Цзин вздохнул с облегчением:

— Я уж думал, у этих знатных свои странные привычки...

Девушки, которые только что шутили с ними, теперь молчали. Одна из них тихо протянула платок, сказав:

— Господин, вы добрый, будьте осторожнее в будущем.

Лу Цяньтан тихо поблагодарил, не взял платок и, опершись на Чжао Цзина, вернулся в лагерь.

В павильоне Циюань пиршество продолжалось до полуночи, и Сяо Цинму решил уйти.

Остальные его не удерживали, зная, что князь Цзинь слаб здоровьем, и развлечения должны быть в меру, поэтому попрощались с ним.

Яньчжу помог ему сесть в карету и тихо сказал:

— Принц прислал письмо.

Сяо Цинму, устроившись в карете, увидел письмо рядом. Он нахмурился, прочитал его и сжег в пламени свечи.

Вернувшись в резиденцию, Яньчжу зажег благовония, отнес запачканную одежду и, закрыв дверь, спросил:

— Ваше Высочество, завтра вы встретитесь с принцем?

Сяо Цинму выглядел раздраженным:

— Уже поздно.

Яньчжу удивился:

— Это из-за императора?

Сяо Цинму потер виски:

— Документ уже отправлен в Внутренний кабинет, завтра он появится на заседании.

Яньчжу сказал:

— Мы все еще расследуем это дело, господин Чэн тоже проверял, но много неясностей. Не факт, что это дело рук принца.

Сяо Цинму усмехнулся:

— Конечно, нет.

Яньчжу, видя, что он тянется к чашке, быстро налил ему горячего чая.

Сяо Цинму покрутил чашку в руках:

— Принуждение к проституции — это дело, которое можно как раздуть, так и замять. Западный столичный лагерь давно прогнил, они не раз сотрудничали с бандитами. Почему, как только это связано с принцем, документ сразу отправляется в Внутренний кабинет?

Яньчжу сразу понял:

— Если он дошел до Внутреннего кабинета, то господин Яо обязательно представит его императору. Говорят, что князь Лян уже лишен тигра и ждет наказания.

Сяо Цинму оставался невозмутимым:

— Лянгуня постигла такая неудача, и он только ждет наказания. Это просто для успокоения армии Лянгуня. Пока Яо Чжан остается в Внутреннем кабинете, с князем Ляном ничего не случится.

Яньчжу сказал:

— А что господин Яо затеял?

Сяо Цинму вдруг засмеялся:

— Он хочет облить грязью принца, устроить скандал в Восточном дворце, а потом сыграть роль страдальца, чтобы тигр вернулся к князю Ляну. Если грязь не пристанет, он отвлечет императора, и, вспомнив о заслугах князя Ляна, а также благодаря подушке благородной супруги Яо, влияние семьи Яо только усилится.

Яньчжу спросил:

— Ваше Высочество, нам нужно помочь принцу разобраться?

Сяо Цинму холодно посмотрел:

— В последнее время, кажется, кто-то нашептывает принцу о моих делах.

Яньчжу опустил голову:

— Это моя оплошность. Я сразу начну расследование и отрежу лишние языки.

Сяо Цинму слегка поднял руку:

— Не спеши. Принц не доверяет мне, и это понятно. Пусть пока примет эту грязь на себя.

Яньчжу кивнул и, видя, что тот устал, хотел позвать служанок, но Сяо Цинму вдруг сказал:

— Что ты узнал о чайной «Баньжисянь»?

Яньчжу ответил:

— Владелец чайной «Баньжисянь», Цяо Чэнмэн, был первым мечником на Сайбэе. У него есть дочь, ей двенадцать лет. Его жена умерла от болезни десять лет назад. Пять лет назад он приехал в Ингао с дочерью, несколько дней работал учителем боевых искусств в княжеском дворце, а потом открыл эту чайную.

Сяо Цинму кивнул:

— А как зовут ученика, который часто доставлял чай в дворец?

Яньчжу подумал и сказал:

— Ваше Высочество, наверное, говорите о том цзунци, который ворвался в павильон Циюань. Его зовут Лу Цяньган.

Сяо Цинму, с узкими глазами, полуприкрытыми, смотрел на пламя свечи:

— Этот парень интересный. Когда он попал в Западный столичный лагерь?

Яньчжу извинился:

— Я еще не успел проверить.

Сяо Цинму провел пальцем по абажуру свечи:

— Разберись с ним, лично, и будь осторожен. Фамилия Лу... наводит на мысли.

На следующий день рано утром Сяо Цинму облачился в парадный наряд и отправился во дворец.

Император Чжэньюань при всех бросил документ на пол, крича:

— Вы знаете, где вы находитесь? В Ингао! У самого дворца занимаетесь грязными делами, спокойно спите? Вэнь Гань, это произошло под твоим началом?

Вэнь Гань — это имя принца. Принц вышел и встал на колени:

— Ваше Величество, успокойтесь. Это действительно произошло под моим началом. Я уже начал расследование, и девушек, которых насильно продали, уже выкупили. Я приказал тщательно изучить нерешенные дела последних лет, и, когда доказательства будут собраны, я готов понести наказание за плохое управление.

Император Чжэньюань, только что громко кричавший, теперь закашлялся, и евнух подал ему чай.

Император все же учитывал положение принца как наследника престола, отчитал его официально, но не сказал ничего слишком резкого.

В Ингао не только процветала торговля людьми, но и множество других скандальных дел, связанных с сотрудничеством чиновников и бандитов. Император знал это, но эта сеть была слишком большой и запутанной, и если начать ее рвать, это приведет к большим потрясениям — пока что это было невозможно.

С древних времен никто не мог изменить мир в одиночку.

В роскоши рождаются паразиты, под процветанием скрываются кости.

Лу Цяньтан вернулся в Южный лагерь той же ночью, пьяный в стельку. На следующий день, с жуткой головной болью, он пошел за наказанием и получил тридцать ударов плетью. Чжао Цзин едва смог отнести его в комнату, вся спина была изодрана в кровь.

Он выглядел худым, но, сняв одежду, оказалось, что он не так уж и хрупок. Его тело было крепче, чем можно было предположить, но кожа была разорвана, и не осталось ни одного целого места, что выглядело ужасающе.

Чжао Цзин, накладывая мазь, вздыхал громче, чем сам пострадавший. Лу Цяньтан, с потом на лбу от боли, не мог не улыбнуться:

— Брат Чжао, ты, кажется, больше страдаешь, чем я.

Чжао Цзин, который был старше его на семь-восемь лет и выглядел крепким, на этот раз

промолчал, а потом сказал:

— Не смейся — у меня был младший брат. Если бы он был жив, был бы примерно твоего возраста.

Лу Цяньтан не удержался и обернулся, подумав, спросил:

— Что случилось?

Чжао Цзин усмехнулся:

— Лет пять-шесть назад. Тогда был голод. Моя родина — Юньюй, знаешь, где это? На западе от Ингао, в центральных землях. Там много земли и людей, и когда начинается голод, умирает еще больше. Ему тогда было лет одиннадцать-двенадцать, а у нас была еще младшая сестра. Мы думали, что парень может поголодать, оставим еду сестре, но этот дурак умер первым.

Лу Цяньтан опустил голову, тихо сказал:

— Я видел такое на пути из Лянъяня.

Чжао Цзин вздохнул:

— Зачем об этом говорить. Сейчас для таких, как мы, просто жить — уже большое счастье.

[Примечания отсутствуют]

<http://bllate.org/book/16145/1445682>